

Бай Ян

ОБРАЗЫ ЦЕРКВЕЙ В РОМАНЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА "В КРУГЕ ПЕРВОМ"

В статье рассматриваются основные приемы создания образа церквей в романе А. И. Солженицына "В круге первом". Проводится анализ фрагментов произведения, содержащих описание храмов. Присутствие церковной атрибутики в романе подчеркивает постоянное обращение русских людей к православной вере. Библейская тематика воплощена в мотивах Рождества, Ковчега, Спасения и Воскресения. Изображение разрушаемых православных храмов отражает процесс насильственного вытеснения духовного начала из повседневной народной жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 27-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

INTERTEXTUAL RELATIONS OF TURKIC AND MONGOLIAN GENEALOGICAL SOURCES

Badmaev Bulat Badmaevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Buryat State University, Ulan-Ude
Bulat-67@mail.ru

The article is devoted to the research of intertextual relations of Turkic and Mongolian genealogical sources. The genealogical intention, intersubjectivity, and intertextuality in the form of various allusions, associations, explicit/implicit, voluntary/involuntary reminiscences, preserved in oral and written consciousness texts, are brought to the level of special "signs" of collective memory, to the category of out of situation value. The early history and culture of the Turkic-speaking and Mongolian-speaking peoples are considered as a single intertext, which in turn serves as the pretext of their genealogical sources.

Key words and phrases: Turkic and Mongolian genealogical sources; intertextual relations; intertextuality; intersubjectivity; "phenomenalizing" single continuum.

УДК 821.161.1

В статье рассматриваются основные приемы создания образа церквей в романе А. И. Солженицына «В круге первом». Проводится анализ фрагментов произведения, содержащих описание храмов. Присутствие церковной атрибутики в романе подчеркивает постоянное обращение русских людей к православной вере. Библейская тематика воплощена в мотивах Рождества, Ковчега, Спасения и Воскресения. Изображение разрушаемых православных храмов отражает процесс насильственного вытеснения духовного начала из повседневной народной жизни.

Ключевые слова и фразы: роман А. И. Солженицына «В круге первом»; образы церквей; библейские мотивы; православная традиция; христианское миропредставление; духовная жизнь.

Бай Ян

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
missingapril@yeah.net

ОБРАЗЫ ЦЕРКВЕЙ В РОМАНЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

В изображении духовного мира своих героев А. И. Солженицын обращает особое внимание на христианскую веру. Она проявляется не только в жизни героев, но и незримо присутствует в многочисленных образах, обладающих символическим значением в христианской культуре. В произведениях Солженицына церкви находятся в числе образов, проникнутых высокой духовной ценностью; они имеют большое этическое и эстетическое значение.

Среди произведений 1950-60-х гг. образы церквей и колоколен наглядно представлены в таких произведениях, как «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Захар-Калита», «Пасхальный крестный ход», «Крохотки» («Озеро Сегден», «Прах поэта», «Путешествие вдоль Оки») [2]. Позже церковь многократно появляется в романе «В круге первом» и также упоминается в ранней поэме «Дороженька» [4].

В романе «В круге первом» церкви в основном показаны в разрушенном, заброшенном виде; только в воспоминаниях героев сохранилась святая слава Церкви. Разумеется, образ разрушенных церквей и колоколен символизирует духовное разрушение; писатель концентрирует внимание именно на размышлениях о духовной потере.

В романе 25-я глава имеет название «Церковь Никиты Мученика». В сюжете описано, что после ночной встречи с министром Абакумовым Яконов был растерян; он отпустил шофера и бесцельно брел по набережной в Москве. Глубокая тишина и густой туман, накрывший город, углубляли ощущение одиночества; не с кем было поделиться своим состоянием и сокровенными мыслями. В этой прогулке ему хотелось развеять душевную тяжесть. Между тем дорога привела его к заброшенной церкви Никиты Мученика. Память заглянула в далекое прошлое; он вспомнил, как 22 года назад побывал в этой церкви с Агнией. Яконов испытал сильное удивление; он недоумевал, откуда могла появиться сила, которая смогла разрушить все прежнее до неузнаваемости.

Позволим себе прочесть фрагмент с подробным описанием наружного вида церкви: «На каменных плитах двора лежали жёлтые и оранжевые листья дуба. Едва не в сени того же дуба стояла и древняя шатровая колоколенка. Она и прицерковный домик за оградой заслоняли закатное уже низкое солнце. В распахнутых двустворчатых железных дверях северного притвора согбилась нищая старушка и крестилась доносящемуся изнутри золотисто-светлому пению вечерни» [3, с. 169].

В этом фрагменте употреблены различные эпитеты. Практически перед каждым образом присутствует художественное определение, каждое из которых дополняет деталями вечерний пейзаж, и в целом они насыщают

духовную атмосферу церкви. В картину привносится некий старинный обычай из русской жизни, возникает чувство вековой мудрости и покоя. Привлекает внимание также цветовая гамма картины; в ней преобладают желто-оранжевая и желто-золотистая тональности. Желтый цвет, в сочетании с окружающим пейзажем, помогает ощутить возвышенные духовные эмоции и воспринять их как светлое ощущение добра и тепла.

На территории церкви Яконов видел пейзаж, от которого у него захватило дух. Он видел белокаменную лестницу, проведенную к Красной площади, видел Москву-реку: «Река горела на солнце. Слева лежало Замокворечье, ослепляя жёлтым блеском стёкол... резные контуры Кремля, а ещё дальше пламенели на солнце пять червонно-золотых куполов храма Христа Спасителя» [Там же]. Благодаря необычному расположению церкви вид столицы раскрывался с высоты. Именно с этого места Яконов восхищался священной красотой Москвы. При свете заката желтый цвет развернулся как огромный фон, на котором представилась панорама города. Этот цвет разлился солнечным светом пронзительной силы; он гармонично соединился с православной церковной архитектурой, с золотой игрой солнечного луча и с благозвучием колоколов и пения.

Однако иногда этот сияющий желтый цвет, согревающий души людей, может вызвать легкую грусть. Агния, словно продолжение этого цвета, неподвижно сидела «в жёлтом свете и в жёлтой шали» [Там же, с. 170]. Ей удалось предсказать печальную судьбу столичного храма, что церковь «снесут» [Там же], и подобное божественное видение однажды явилось Яконову: она «уходит» [Там же, с. 169]. Уходят также и старинный русский обряд и обычай.

Агния – образ с благородной душой; в нем видны неземные черты характера, присущие ангельскому началу. Это девушка, обладающая утонченным восприятием, чувствует жизнь, замечает в ней необычное, на что люди обычно смотрят привычным, замыленным, взглядом.

Именно она помогла Яконову увидеть вечернюю красоту столицы. И, услышав церковный канон, Яконов впервые в жизни ощутил величие этого моления, почувствовал его могучую силу и благородное обаяние.

В главе 44 также присутствует образ церкви. В этой главе Иннокентий с Кларой совершили прогулку в деревню под названием Рождество. Впервые услышав «необычное... название» деревни [Там же, с. 306], молодые люди испытали небольшое удивление и захотели выяснить, почему деревне дали такое название. Спустя некоторое время им удалось узнать у прохожих, что здешняя разрушенная церковь также носит название «Рождество». После этого Иннокентий погрузился в раздумье: «...два Рождества... <...> Наше и западное» [Там же, с. 309].

В сюжете образ церкви возник на пути прогулки молодых людей. Сначала герои увидели церковь издали, это была «тёмно-кирпичная церковь с колокольней» [Там же, с. 301]. Приблизившись, выяснили, что единственной уцелевшей частью церкви является труднодоступный купол колокольни. От разбитого алтаря сохранился всего лишь корпус церкви, ободранный от жести; и два креста стояли на своих местах. Вокруг церкви не осталось «ни ограды, ни двора» [Там же, с. 307], и вся земля была разрыта до неузнаваемости. Поблизости был устроен скотный двор, и до церкви доносился его зловонный запах. Пожалев, что так близко подошли к церкви, Иннокентий с Кларой поспешили удалиться от нее. Дремучие деревья почти скрыли израненное тело церкви. Тем не менее церковь, стоящую на вершине горы, было видно издали. Множество ласточек и других небольших птичек, гнездившихся в прорехах разломанной колокольни, порхали вокруг и оживляли старую церковь. И церковь как будто очнулась от долгого сна, из которого ее вывел доносившийся из соседней церкви колокольный звон.

Вид церкви вблизи составлял большой контраст с ее видом издали, и Иннокентий был впечатлен ее заброшенностью. Этот образ разбитой церкви и был образом разбитого Рождества. В названии церкви заключено более глубокое значение, которое косвенно объясняется в словах Иннокентия: Рождество является праздником, символизирующим православную традицию. Соответственно, заброшена была не только церковь, но и забыты были культура и обычай русского народа.

Помимо описания церкви Рождества, писатель уделил внимание деталям, которые позволяют восстановить картины исторических событий, а также получить еще одну точку зрения для восприятия общественного настроения того времени. Например, по сюжету становится известно, что церковь закрыли в 1920-х гг.; соседнюю летнюю церковь разобрали на кирпичи; прикатали сотни военнослужащих на машинах; по нарядам героев местные поняли, что «в них особый сорт начальства» [Там же, с. 308], и многие другие эпизоды. Череда подобных мелких событий прямо указывает, что на русской земле не остается места прежней духовности, которую постепенно заменяет осторожность в поведении людей и напряжённость в социальной сфере.

Следует заметить, что во многих своих произведениях Солженицын активно использует библейские мотивы, в том числе мотив Рождества, мотив Ковчега, мотив Спасения и Воскресения. В контексте мотива Рождества, к которому относится прогулка в деревне Рождество, многие центральные события романа происходят в ограниченный отрезок времени меньше трех суток: с 24 декабря по 27 декабря 1949 г. – в период Рождества по европейскому календарю. Более того, в сюжете сообщается, что на новогодний праздник в Марфино начальство разрешило поставить елку, арестанты украсили ее игрушками, сделанными своими руками; немцы и латыши также по-своему отметили Рождество. И в одном из эпизодов Хоробров требовал от дежурного надзирателя, чтобы «ёлку нам оставили до православного Рождества! Елка – это Рождество, а не Новый год!» [Там же, с. 212].

Вернемся к созданным в романе образам церквей. Типичная картина: заключенные живут в бывшей семинаристской церкви, причем это место закрыто от внешнего мира. В воскресные вечера здание Марфинской тюрьмы было полностью изолировано от житейской суеты. В это время ни тюремные начальники,

ни вольняшки не вмешивались в «бессмертную свободу» эзков [Там же, с. 375], которые получили маленький кусочек времени в их бесконечном тюремном сроке. Главным было то, что это время – их собственное, предназначенное для полноценного отдыха. Таким образом, душевное состояние эзков получало облегчение от тюремной службы.

Писатель образно называет это здание, покрытое краской цвета ночи, затаившееся за железными воротами, «двухэтажным ковчегом» [Там же]. Здесь заключенные полностью принадлежали самим себе, своим мыслям и тюремным друзьям. Прежде всего, были свободны их мысли, ибо мысли здесь не были ограничены различными материальными условиями и личными интересами, которые представляли немаловажное значение в их прежней вольной жизни. В жизни эзков присутствовал некий монашеский стиль, напоминающий участь христианских мучеников вследствие того, что в тюремных условиях они находились вдали от мирских волнений и концентрировались на внутреннем совершенствовании. Именно в таком смысле раскрывается мотив ковчега – как путь к душевному спасению.

Заметим, по Евангелию воскресенье представляет собой «воскресный день, в который христианская церковь со времён апостольских... празднует воспоминание Воскресения Христова» [6, с. 376]; в ветхозаветной традиции «воскресенье понимается как седьмой день Творения, *день покоя* Божия по сотворении мира» [5, с. 246]. Поэтому этот день одновременно обладает таким значением, как день отдыха, день воскресения и день творения. В короткие отрезки времени, предназначенные для отдыха, у героев активизируется процесс познания, благодаря чему эзкам удается приобщиться к идеям, принадлежащим только их внутреннему «Я». Таким образом, у заключенных происходит духовное возрождение и возвращение к жизни. Отдых также предоставлял возможность для размышления, в процессе чего эзки находили умственное озарение. Их мысли обретали весомость; благородные размышления об общей человеческой истории возникали у них чаще, нежели мысли о собственных правах. Для эзков отдых с интеллектуальными запросами, приносящий умственные плоды, также является путем развития личности, встав на который человек обретает душевное воскресение.

Не случайно главу, идущую перед главой 53 «Ковчег», писатель назвал «За воскресение мёртвых». К тому же последнее предложение главы заканчивается шрифтовой разрядкой с восклицательным знаком: «З а в о с к р е с е н и е м ё р т в ы х!» [3, с. 373]. В явлении паронимии подчеркивается именно мотив спасения и воскресения.

Таким образом, в произведениях А. И. Солженицына церковь предстает в нескольких ракурсах. Писатель идет от простого упоминания храма до возведения вида разрушенных церковных зданий в символ происшедших перемен. Но главное состоит в том, что даже если писатель открыто не размышляет об утрате в России христианских ценностей, он показывает изображение плачевного состояния церкви как результат забвения православной традиции. Для него разрушение храма не просто физическое уничтожение материального объекта, а планомерное вытеснение духовного начала из повседневной народной жизни. Усиливают эти размышления явные и скрытые цитаты из евангельских текстов, аллюзии на события библейской истории.

Список источников

1. Немзер А. С. Рождество и Воскресение. О романе Александра Солженицына «В круге первом» // Немзер А. С. При свете Жуковского: очерки истории русской литературы. М.: Время, 2013. С. 796-822.
2. Солженицын А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2006. Т. 1. Рассказы и Крохотки. 672 с.
3. Солженицын А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2011. Т. 2. В круге первом. 880 с.
4. Солженицын А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2016. Т. 18. Раннее. 544 с.
5. Урманов А. В. Художественное мироздание Александра Солженицына: монография. М.: Русский путь, 2014. 624 с.
6. Христианство: энциклопедический словарь: в 2-х т. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т. 1. 863 с.

IMAGES OF CHURCHES IN A. I. SOLZHENITSYN'S NOVEL "IN THE FIRST CIRCLE"

Bai Yang

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin
missingapril@yeah.net*

The main methods of creating images of churches in Solzhenitsyn's novel "In the First Circle" are considered in the article. The analysis of fragments of the work containing the description of churches is carried out. The presence of church attributes in the novel emphasizes the constant appeal of the Russian people to the Orthodox faith. Biblical themes are embodied in the motives of Christmas, the Ark, Salvation and Resurrection. The image of the destroyed Orthodox churches represents the process of aggressive displacement of the spiritual principle from everyday people's life.

Key words and phrases: A. I. Solzhenitsyn's novel "In the First Circle"; images of churches; Biblical motives; Orthodox tradition; Christian world view; spiritual life.